

◆ ГОСТИ СВЕРДЛОВСКА

Как песня отзовется...

С Эдитой Пьехой мы уже встречались в прошлый её приезд, и все-таки я была тронута, когда, увидев меня у выхода со сцены, Эдита, еще издали заулыбавшись, сказала: «Вы из «Вечернего Свердловска», я помню! У меня многое есть что рассказать...».

Так и началось это интервью — не с вопросов, а с рассказа народной артистки РСФСР, очень популярной в нашем городе, куда она приезжала на гастроли уже много раз и где ее неизменно ожидал большой успех.

— Три года я не была в Свердловске... Многое изменилось за это время. У меня теперь свой ансамбль, где я — не только солистка, но и художественный руководитель. Трудно было решиться на такой шаг, но сильнее трудностей было желание самой искать свои песни, самой подбирать репертуар. С новым ансамблем — он создан в 1976 году — мы уже побывали в Болгарии, в ГДР, на Кубе. Гастроли прошли очень хорошо... И еще один новый «шаг» я сделала — в иную область творчества: написала книгу, она скоро выйдет в «Молодой гвардии». Это рассказ о счастье общения со слушателями, о жизни песни — а у каждой песни есть своя жизнь! — о мечте и романтике, без которых невозможна моя профессия... Ну вот, а теперь, когда я коротко «отчиталась» перед свердловчанами, спрашивайте...

— Вы сказали о желании самой подбирать репертуар, искать свои песни. А что значит для вас «своя песня»?

— Это трудно выразить словами. Свою песню я чувствую сердцем — в нем непременно дрогнет какая-то струна. Я жду ее, как мать ждет ребенка — правда, правда! — и каждый толчок его отзывается в сердце... Причем для меня очень важна не только музыка, но и текст — даже, пожалуй, прежде всего текст...

Но песня, которую исполняешь, не остается всегда одинаковой, она тоже меняется вместе с тобой. Более десяти лет назад впервые спела «Маму» А. Броневитского на стихи О. Милаевского. Ее любили слушатели, я охотно включала ее в концерты — трогательную песню о самом дорогом для каждого человеке, перед которым, однако, мы так часто бываем виноваты... А теперь эта песня превратилась для меня в реквием, в балладу... Да, есть вещи, которые до конца

понимаешь, только пережив.

Хочу рассказать еще об одной песне, совсем новой, которую я не пою в концертах, хотя уже больше года она совершенно готова: для нее нужна совсем особая программа. Это песня о Тане Савичевой. Я двадцать лет прожила в Ленинграде, и, как многие ленинградцы, наверное, была уверена, что Таня Савичева — та самая девочка, чей дневник фигурировал на Нюрнбергском процессе, — похоронена на Пискаревском кладбище. Оказалось же...

Как-то по линии ЦК комсомола мы выезжали с концертами в Горьковскую область. И здесь, по дороге в один из строитрядов, нам предложили: хотите, завернем в поселок Шатки, там есть могила Тани Савичевой... Выяснилось, что Таня в 1943 году по «дороге жизни» через Ладожское озеро была вывезена сюда в детский дом. Нашлись архивы, нашлись люди, которые знали ее и помнили — она умерла через год... Боже мой, что только не перечувствовала я в этот день у памятника Тани! Ведь мы с нею почти ровесницы... И здесь же у меня родились строчки: «Моя землячка, Савичева Таня, прости, что не пришла к тебе с цветами...».

Поэт В. Гин оставил эти строки в тексте песни о Тане, а композитор Е. Дога написал музыку. Уже через два месяца премьера песни состоялась на Центральном телевидении. А потом пришло приглашение из Шатков...

Более пяти тысяч зрителей присутствовали на нашем шефском концерте, — он состоялся прямо на площади. Деньги от концерта пошли в фонд создания памятника детям, погибшим в Великую Отечественную войну, — это, если не ошибаюсь, будет первый такой памятник в стране... Теперь я с гордостью ношу звание почетного гражданина рабочего поселка Шатки. И рада, что в этой поездке со мной была моя дочь...

Вообще, знаете, мне все меньше хочется быть на сцене только веселой. Все больше хочется говорить о жизни серьезно.

— Эдита, многие слушатели — и особенно слушательницы, конечно, — всегда обращают внимание на ваши сценические платья — светлые, летящие, «поющие». Они — плод вашей фантазии и вкуса?

— О, что касается вкуса... Когда-то давно Клавдия Ивановна Шульженко, перед которой я преклоняюсь и мнением которой чрезвычайно дорожу, побывала на моем концерте и сказала: «Девочка, у тебя все получается, должно получиться, но вот платье... Вкуса у тебя нет, на себя не полагайся». А поскольку она была и остается для меня идеалом, то я послушалась...

И еще были случаи, которые тоже помогли мне определиться в этой области.

На первые гастроли в Париж, в «Олимпии», я привезла кучу туалетов — с мехами, жемчугами... Директор — распорядитель на просмотре все их отверг: «Наша публика не любит, когда с ней соревнуются в пышности. Ваше главное богатство — песня. Ею и блистайте...» И остановил выбор на простом белом платье.

Белый цвет постепенно стал моим любимым. Белый — и нежные оттенки других светлых цветов... Окончательную «точку» в этом поставил Вячеслав Зайцев, автор моих платьев. Правда, последнее время в нашем долголетнем содружестве я получила право «советающего голоса» — значит, со вкусом у меня дела теперь обстоит лучше!

— На ваших песнях уже выросло второе поколение слушателей. Вообще это не частый случай в нашей эстраде — многие «звезды» быстро всходят на ее горизонте и довольно быстро гаснут...

Судьба Клавдии Ивановны Шульженко, о которой вы упоминали, ждет далеко не каждую певицу. Хотели бы вы для себя такой судьбы?

— Вы спрашиваете — представляю ли я себя на эстраде лет через двадцать? Да, но, конечно, не с таким большим ансамблем, как сейчас, не в таком большом зале... Это должны быть встречи только с верными друзьями, и вряд ли их будет очень много.

Мы вместе подумаем над прошлым, оглянемся назад, на свои радости и печали, вместе улыбнемся нашим детям и внукам — нашему будущему. Но все это возможно только в одном случае: если мне по-прежнему будет что сказать людям...

Вела беседу
Н. ЗЕНОВА.

На снимке: поэт
Эдита ПЬЕХА.

Фото В. Долганна.